

Как древние невольники Востока

Павел Малов

2025-04-15

Contents

Как древние невольники Востока	1
Павел Малов	

Как древние невольники Востока

Повесть

Олег дрожащими от сильного волнения руками развернул и разгладил на столе два больших листа плотной канцелярской бумаги, убористо заполненных машинописным текстом. Торопливо забегал глазами по строчкам.

«Дорогой Олег, два года назад мы читали твои первые стихотворные опыты. В 1985 году наш рецензент писал, что ты пытаешься писать о том, что плохо знаешь, сам не испытал и не осмыслил. И ты решил сменить тему. Сейчас ты прислал стихи, о которых говоришь, что они на тему любви и твоей личной жизни. Вот как выглядит в этих сочинениях твоя личная жизнь.

Зачем же тосковать и злиться,

Коль ты во власти жизни и судьбы.

Она с тобой играет - пусть жестоко -

Что сделаешь, коль мы её рабы,

Как древние невольники Востока!

Неужели ты и в самом деле в свои двадцать с небольшим лет ощущаешь себя рабом, невольником жизни?! Уверен, что нет. Ты же молодой человек конца двадцатого века, тебе ведомы мысли и волнения сегодняшнего напряженного времени. Так что выражаешь ты рифмованными строчками не свою любовь и свою личную жизнь, а лишь попавшиеся под руку те расхожие штампы, которые уже в конце девятнадцатого века были обветшалым хламом и встречались потом разве что в реакционной декадентской псевдопоэзии всевозможных Бальмонтов, Северяниных и Гумилёвых.

Ты непростительно плохо знаешь нашу богатую поэзию, иначе тебя бы не привлекала подделка под истинную красоту и поэтичность. Думаю, что твоё влечение к поэзии должно быть направленно на учёбу: занимайся русским языком, читай побольше стихов наших классиков и современных поэтов, книг о поэтическом мастерстве...»

- Опять всё то же! - не дочитав, зло процедил Олег и, скомкав, отшвырнул корреспонденцию на пол. В раздражении походил по комнате, прилёг на диван и задумался.

«Учись! Читай!.. Читай! Учись! А у кого учиться? Кто меня научит? Где этот человек?.. Может быть, поступить в институт? Но каким образом? Разве смогу туда пролезть я, простой смертный? Там ведь, небось, на пятилетку вперёд всё схвачено. Всё по блату, всё за «бабки»... Куда мне со свиным рылом в калашный ряд?.. Что же тогда делать? Заняться самообразованием? Изо дня в день долбить и долбить эту чёртову науку!.. А главное, - нужно учиться писать. Писать и писать! День и ночь! Стихи, прозу - что угодно, но только писать. Под конец должно будет что-нибудь получиться.

Им, видите ли, не нравится смысл моих виршей. Невольники Востока не нравятся... Но ведь пишу то, что думаю. Иначе не могу. По заказу не могу. Как всякие там графоманы пишут про заводы и фабрики, и про то, как наши рабочие счастливы вкалывать у станков за нищенскую зарплату. Но я ведь - сам рабочий, я вижу всё своими глазами. Да, мы именно, - как древние невольники Востока, как рабы, что сооружали пирамиды египетских фараонов! Все наши социалистические преобразования на столько же грандиозны, на сколько бессмысленны, - как и те странные сооружения, что столько веков возвышаются без всякого применения посреди пустыни.

Но попробуй, скажи Им об этом. Сразу заклеят, ярлык антисоветчина навесят. Неужели на свете существуют две

Правды? Та, истинная, Правда простого народа, и другая – общепринятая, кабинетная?

Я буду писать о том, что вижу и думаю! Как Есенин и Высоцкий. Иначе не жить!..»

И Олег начал писать. Писал, засиживаясь порой до самого утра. Писал, переписывал. Недовольный, рвал написанное в мелкие клочья и начинал по новой. Утром еле поднимался на работу. Обдумывал строки будущих произведений в автобусе, у станка, в столовой, во время обеденного перерыва. Матери так прямо и заявил: «Если к концу года не напечатаюсь, брошу всё и уеду!»! Мать знала, что сын на ветер слов не бросает. Крутой был у Олега характер, весь в отца. Правда, о бывшем муже своём Валентина Николаевна предпочитала помалкивать, но куда же от досужих языков соседок-сплетниц денешься?! Вся улица знала Фёдора Румянцева – картёжника, отчаянного драчуна и пьяницу. Была у папаши Олега одна особенность – не мог он подолгу засиживаться на одном месте. В карты продуется, пропьётся до нитки, передерётся со всей улицей и – поминай, как звали, – завербуется куда-нибудь к чёрту на кулички: в Карелию или на остров Сахалин. За неполные пятьдесят изъездил Фёдор всю Россию. Валентина, мать Олега, его не бросила, любила, знать, мужика своего непутёвого. Три года назад пришло извещение из Хабаровского края: зарезали Фёдора Румянцева в пьяной драке...

Закадычный дружок Олега Валерка Чумак обычно потешался над ним в кругу сверстников.

– Он поэт, чуваки! Скоро Нобелевскую премию получит, как Шолохов, и мы её пробухаем всей бандой. Журнал «Крокодил» обещал напечатать его стишки на последней странице под рубрикой: «Нарочно не придумаешь».

Баламут был этот Валерка, но парень что надо. Сколько раз выручал Олега в бесчисленных уличных потасовках, когда яростно сшибались стенка на стенку пацаны двух соседних посёлков.

Олег, не отвечая на дурацкие шуточки Чумака, хмурился, но потом всё-таки давал себя уговорить, и покорно брёл вслед за Валеркиной компанией в пивную. Там, с отчаянья влив в себя порядочную дозу какого-нибудь «Лучистого», читал по просьбе собутыльников некоторые свои довольно пошловатые сочинения типа:

Ноги твои по дорожке идут невесомо,

Ноги твои – как копчёные ляжки свиньи.

И у солдат под «хэбэ» затрещали кальсоны,

Как по команде к тебе повернулись они.

Такие стихи, естественно, пользовались огромным успехом среди завсегдатаев всех поселковых пивнушек.

Мать, помня недавнюю недвусмысленную угрозу сына завербоваться, не желая отпускать его по проторенной отцовской дорожке, страшно засуетилась, забегала по родственникам и знакомым, спрашивая совета и помощи. В конце концов хлопоты её увенчались успехом, и однажды Валентина Николаевна радостно сообщила Олегу:

- Невесту тебе, сынок, нашла. Хорошая девчонка, в университете на журналистике учится, тебе помочь обещала. Вот её телефон.

Олег взял из рук матери клочок бумаги, в недоумении пожал плечами.

- Какая ещё невеста, ты что мама?

- Невеста! – Мать пыталась растворить в своей улыбке кислую гримасу на физиономии сына. – Знакомый один телефон дал. Дочка это его. Не замужем. Девятнадцать лет. Позвони ей, сынок, может, что и получится. В университет, может, поступишь...

- Да ну тебя, мама. Выдумаешь тоже...

Олег небрежно отмахнулся, но бумажку всё-таки спрятал.

От нечего делать Олег переписал как-то в тоненькую двенадцатистовую тетрадь несколько своих, как ему казалось, наиболее удачных стихотворений вульгарного содержания. Тетрадь попала к Валерке Чумаку, а вскоре он заявился к Олегу с заманчивым предложением:

- Олег, покати в бабскую общагу. Мы вчера там с Филей таких тёлочек сняли! Бухали всю ночь, я стихи твои читал. Понравились обалденно. Говорят: приведи его самого, ни разу в жизни живого поэта не видели. Погнались, поэт, не пожалеешь, там такое будет!..

Валерка подмигнул и плотоядно заржал, из чего можно было заключить, что в общаге сегодня действительно будет что-то с ног сшибательное.

«Тёлки» Олегу не понравились. Он пил с красномордым увальнем Филей принесённую с собой водку, курил оставленный

кем-то из девиц «Ростов» и делился воспоминаниями об невозвратно ушедших в небытие школьных годах.

Чумак, сидя в углу, на неразобранной кровати, целовался в засос с гладкотелой некрасивой, как будто лоснящейся от сала, девкой, из-под коротенького платица которой то и дело выглядывали потные жирные ляжки.

Олег брезгливо кривился и старался на них не смотреть. Ему было стыдно, душно, хотелось уйти. Филя наоборот не отрывал от девки своих горящих недобрим огнём, масляных глаз.

- Гляди, поэт, бикса какая, - шептал он, подталкивая локтём Олега. - Вот бы её - на пупенгаген или через роттердам!

В комнату, стукнув дверью, вошла высокая худая девица в болтающемся на ней, как на вешалке, дорогом коттоновом платье.

- Скоро там Галка подмоется? - скалясь, спросил у «вешалки» подгулявший Филя и попробовал ущипнуть её за плоский зад.

- Пойди помоги, - хлопнула она его по руке. Подсела к Олегу.

- Почитай мне стихи, Олежек.

- Не хочу.

Парень всё больше мрачнел, чувствуя себя не в своей тарелке. Даже водка не заглушала неприятное ощущение. Ему всё сильнее хотелось уйти из этой компании.

Тем временем Валерка Чумак посадил девку с голыми ляжками себе на колени, стащил с неё под платьем трусы и принялся раскачивать на дьявольски скрипевшей кровати. Девка, пунцовая от стыда, как рак, с виноватыми усмешками отводила глаза в сторону. Валерка же, казалось, не замечал никого из присутствующих.

- Ну, где там Галка? - продолжал страдать Филя. Он вновь полез к «вешалке», та ударила его по руке и убежала.

- Я, короче, погнал, ну вас... - проговорил, вставая из-за стола, Олег. Налил себе ещё водки, выпил, взял из пачки две сигареты и вышел. Никто его не удерживал.

Долго Олег не решался позвонить по указанному телефону. Было неудобно, да и в общем-то некогда. Но как-то в субботу, набравшись храбрости, Олег забежал в телефонную будку и снял трубку.

- Вам какую Иру? - услышался приятный женский голос. - У нас две Ирины.

- Кандакову, пожалуйста, - раскаиваясь уже в содеянном, несмело пролепетал парень. Услышав через некоторое время новый, принадлежавший уже Ирине голос, кашлянув, поздоровался.

- Извините, вы меня не знаете, я Олег. Мне случайно дали ваш телефон... Насчёт университета...

- Ах, это вы, Олег! Здравствуйте. Мне папа говорил о вас, - поняла в чём дело Ирина. - Я работаю до пяти. Вы приезжайте, Олег, если сможете. Знаете, как ехать?

- Да, конечно приеду. Только вот как мы узнаем друг друга?

- А вы поднимитесь на крыльцо библиотеки, хорошо? Жду.

Олег сделал всё, как она говорила, и без четверти пять уже прохаживался по просторному, с затейливыми лепными перилами, крыльцу университетской библиотеки. Поблизости перекуривало несколько длинноволосых очкастых студентов, ведя какие-то умные, непонятные Олегу разговоры.

«Чёрт бы побрал этих очкариков! - неприязненно косился на них Олег. - Ещё перепутает...»

Но, вышедшая ровно в пять, невысокая смуглолицая девушка в цветной цыганской косынке направилась прямо к нему.

- Вы Олег?

- Да, - смущённо пролепетал парень. Что делать дальше он решительно не знал и застыл на месте как вкопанный.

Девушка, поняв его затруднение, сама увлекла его вниз и первая предложила:

- Вы не против, если мы пройдемся по Пушкинской? Люблю вечером по городу побродить.

- Конечно, не против, - с радостью принял предложение Олег. Ему было решительно всё равно, что сейчас делать, куда идти.

- Вот и классно! - подвела черту девушка.

Разговор вначале не клеился. Олег вообще тяжело сходил с людьми, о девушках и говорить нечего! Со школьной скамьи общение с ними для него было пыткой. В первую минуту Ира показалась ему не очень красивой, но постепенно приглядываясь, Олег всё больше и больше убеждался в обратном.

- Стихи пишете? - спрашивала, изредка поворачиваясь к нему, Ирина.
- Угадали.
- Мне папа говорил. И вообще, Олег, давайте перейдём на «ты», так мне легче общаться. А то какой-то официальный разговор у нас получается.
- Хорошо, - кивнул тот.
- Печатал что-нибудь в газетах?
- Нет, хотя посылал не раз.
- Да, это конечно сложно, я понимаю... Ты, кажется, поступать хочешь? Но, видишь ли, если поступаешь на отделение журналистики, нужно обязательно предоставить на творческий конкурс газетные вырезки с публикациями. Мне в этом отношении было легче. Я ещё в школе печатала заметки в районной газете. Я сама из села. В городскую газету пробиться куда сложнее. А ты сам лично носил что-нибудь в газету, или только по почте отсылал?
- По почте, - утвердительно кивнул головой Олег, тщетно пытавшийся избавиться от сковавшей его по рукам и ногам робости.
- Обязательно понеси что-нибудь сам... Кстати, ты не мог бы мне что-нибудь почитать?
- Здесь? - удивился Олег, метнув испуганный взгляд на Иру.
- Ну давай присядем, что ли... Вон туда, на скамейку. И вообще, Олег, что мы всё время молчим, как в рот воды набрали? Молчать в наше время нельзя, затуркают!
- Рассказать тебе анекдот? - решил парень, присаживаясь с ней на скамейку.
- Давай рассказывай анекдот, - улыбнулась девушка.
- Пошёл как-то десантник в увольнительную в город, - заговорил Олег. - Ну и познакомился там с девушкой. Гуляют они, значит. Девушка про погоду ему рассказывает, про кинофильмы всякие. «А что вы молчите?» - спрашивает. Десантник идёт и угрюмо молчит. Девушка снова ему - про подруг своих рассказывает, про книги и опять спрашивает: «А что вы всё молчите да молчите? Ну скажите хоть что-нибудь!» Десантник поворачивается к ней и говорит: «А хочешь я тебе руку сломаю?»
- Ира расхохоталась.

- Подходит, Олег, подходит... Почти как у нас.

- Да нет, это я просто так... анекдот новый, - замялся Олег. - А стихи я на улице читать не могу, извините. Да и на память мало что помню.

- Ну, значит как-нибудь в другой раз, - поняла девушка. - А сейчас...

- Пойдём в кино? - предложил вдруг, смело взглянув ей в глаза, парень...

В эту ночь Олег долго не мог заснуть. Ворочался с боку на бок, курил, думал.

«Вот оно - настоящее, человеческое!.. Не то, что у Чумака. Там - грязь, а тут... Ира! Какая чудесная девушка. Ирина... Может быть, это и есть судьба? Счастье? Да нет, куда уж я?.. Размечтался. Первый день только... Неизвестно, как оно дальше получится. А всё-таки хорошо! Скорее бы завтра. Увидеть её, услышать голос... Какой там к чертям университет?! Какие подкурсы? Всё чушь! Нужно жить и радоваться. Гулять с девчонкой. С Ирой... Я ей, наверно, понравился. Или это она всё - из-за университета? Увидим. Но просто так я её уже не выпущу. Будет моя! Будет»!..

Ира встретила его с лукавой улыбкой.

- Заставила тебя ждать, Олег?

- Ничего... Вот я тут привёз, что обещал... Стихи, - Олег вытащил из-за пазухи увесистый свёрток.

- Хорошо, я прочту твою рукопись и узнаю насчёт подкурсов. Ты приезжай во вторник, ладно?

- А завтра?

- Видишь ли, Олег, я сейчас уезжаю домой, в деревню. Так получилось, понимаешь... Приеду во вторник к обеду. Ты меня, пожалуйста, не провожай сегодня. Хорошо?

- Как хочешь, - угрюмо буркнул парень, ощутив в тот же момент мёртвую тоску на сердце. - Ты прямо сейчас поедешь?

- Да, Олег. До вторника! А твои стихи я прочитаю...

Олег поехал к Чумаку, чуть не плача от тоски и досады. Мир без неё был пуст, как кладбище.

- А, поэт, - как всегда насмешливо встретил его Чумак. - Ну, выдай что-нибудь о музыке. Знаешь, имел вчера актрису на рояле, - ужасно скользкий инструмент, я вам скажу, батенька!

- Давай, Валерка, набухаемся? - как-то отрешенно предложил Олег...

Домой он пришёл, как говорится чуть тёпленький. На следующий день на работе всю смену бегал пить газированную воду без сиропа. Благо автомат стоял прямо в цехе, и платить за неё было не нужно. Достаточно нажать чёрную, замасленную кнопку и вода с шипением ударяла в грязный стакан. Вечером, перед сном Олег написал, вылившиеся одним духом, строки:

За окном тишина, как в раю.

В небе молится месяц-пророк.

У окна, будто в храме стою,

Затаившись, гляжу на Восток...

Рай ночной, ты обманчив на взгляд,

Вот садится вдали самолёт...

Грусть моя не имеет преград,

Всё зовёт, всё куда-то зовёт.

Не хочу улетать в сумрак рая,

Хоть и слышу пропеллеров визг.

В этот миг я, судьбою играя,

Тихо плачу, напившийся вдрызг.

Жизнь моя, - словно воз перегружен...

Тащит сбоку дороги лихой.

Никому в этой жизни не нужен

Не хороший я и не плохой!..

Не желаю ни ада, ни рая,

*Лишь бы поняли – был он поэт!..
Как же тяжко, не видя, не зная,
Жизнь терять на заре юных лет.*

Во вторник, едва дождавшись конца смены, помчался к Ирине. Внимательно прочитав новые стихи, она слегка улыбнулась.

– В принципе, ничего, но, мне кажется, ты слишком увлечён Есениным. Ведь так, признайся?.. Ты его иной раз даже копируешь. Вот тут у тебя: «Жизнь моя, – словно воз перегружен», а теперь вспомни Есенина: «Я теперь скупее стал в желаньях, жизнь моя, иль ты приснилась мне»?

– Нет, Ирина, это я сам. Есенин тут ни при чём.

– Чувствуется, однако, противоположное, Олег.

– А вдруг я буду вторым Есениным?

– Нет, Есенин был один, как был один Пушкин. Ты просто копируешь, Олег. Подражаешь.

– Тогда я буду самим собой. Но пойми, Ирина, у Есенина я учусь.

– Похвально. Кстати, у кого ты учился прозе?

– А что? – с нескрываемым раздражением в голосе спросил Олег.

– Скажи прямо: всё чушь и мура, годная только в макулатуру! Но, видишь ли, о грядущем, неизбежном как смерть коммунизме писать не могу. Пишу то, что меня волнует, а так называемый социалистический труд интересует меня постольку, поскольку за него причитаются деньги, достаточные только для того, чтобы не помереть с голоду!

– Зря ты так настроен, Олег, – Ира вытащила из сумочки его рукопись. – Пиши о том, что ты видишь, что хорошо знаешь, иначе тебя не напечатают. Пиши о работе, о каком-нибудь человеке, передовике, что ли... И запомни главное: не всё нужно писать, что ты видишь. Ты сам должен понимать, Олег, что сейчас требуют от начинающих литераторов. Реализм и ещё раз реализм, но реализм социалистический... А насчёт подкурсов – ты пролетел, как фанера над Парижем. Набор уже окончен. Следующий – где-то в ноябре. Вот так, парень.

– Чепуха. Мне это всё уже ни к чему, – беспечно отмахнулся Олег.

– Я передумал поступать в университет, пусть там негры учатся. Да и вообще, Ира, чувствую, что с литературой ничего путного у меня не выйдет. Так, детская забава всё...

- Но почему же, Олег? Не дури... Советую: никогда не бросай того, что начал! У тебя ведь кое-что получается, не скрою. Искра божья у тебя, кажется, есть, поверь моему слову... А насчёт университета я тебе так скажу: он тебе действительно ни к чему. Он тебе просто-напросто ничего не даст. У тебя есть некоторые данные, Олег, и ты должен сам взяться за свою учёбу. Я тебе в этом помогу.

- Книжку о литературном мастерстве дашь почитать?

- Не смейся, Олег, я серьёзно... С сегодняшнего дня берись за дело: пиши, показывай мне, неси что-нибудь в редакцию.

- А ошибки ты исправлять будешь?

- Согласна. Гонорар пополам, - поддержала шутку Ирина.

Они ещё немного побродили по затихающему вечернему городу. В полупустом летнем кафе на Кировском съели по порции пломбира с орехами. Тут же продавался коньяк на разлив. Ира от коньяка отказалась, а Олег взял себе сто пятьдесят граммов.

- Ну, всё, я пошла, - дождавшись, пока он выпьет свой коньяк, встала из-за столика девушка. - Поздно уже, а у меня дома ещё дел куча.

- Подожди, Ира, посидим, - попробовал уговорить её Олег.

- И не уламывай, пока!

- Я провожу.

- Не нужно, Олег, я тебя очень прошу.

- Нет, провожу - и баста! Вдруг тебя по дороге убьют и ограбят?!

- У меня всё равно грабить нечего. А смерти я не боюсь.

- Совсем, совсем не боишься? - усомнился Олег.

- Совсем, совсем... Ребята на курсе недавно самиздатовскую рукопись достали: «Жизнь после смерти» Рэймонда Муди, давали почитать. Там описываются ощущения людей, побывавших в клинической смерти, но снова вернувшихся к жизни. Все они, после того как потеряли сознание, видели со стороны своё собственное тело, слышали разговоры врачей, плач близких. Потом перед ними возникал светящийся тоннель, ведущий на небо. Они летели по этому тоннелю со страшной скоростью. На небе их встречало доброе сияющее существо; за одну секунду перед ними, как в кино, развертывалась вся их жизнь. Потом появлялись умершие родственники, звали их к себе. Между ними была огненная черта. Люди не переступали эту черту и снова возвращались в своё тело... Я, когда дома была,

рассказала обо всём этом маме, – она ходит теперь весёлая, говорит: умирать не страшно.

– Сказки это всё, – отмахнулся Олег, и вслед за девушкой заскочил в салон подошедшего троллейбуса.

– Олег, я же тебя просила!..

– Провожу и всё! Я настырный, – строго поглядел на неё парень и направился к кабине водителя покупать талоны...

Ночью опять не спалось. Вспоминал прощание. Неумелую попытку обнять, суровый отпор Ирины... «Почему? Рано ещё? Ладно, подождём... Ох уж это ожидание! Было бы человеком во плоти и крови – убил бы, наверное! Казнил бы... Самое ужасное в жизни – ждать и догонять... Пообещала прийти в пятницу. Придёт ли? Хотя, если обещала, – то должна. Если всё хорошо будет, женюсь! Какая там к чёрту поэзия? Ира – это да! Вот она – поэзия!.. Ошибок только повторять не нужно, какие с другими были. Оставить ночевать и – разговор по-мужски. Сразу... Не так, как когда-то с Танькой... В общем, – пятница!.. Говорит, что, мол, не девочка уже... Удивила. Девочек сейчас и в детсадике не найдёшь. Да и что мне до всего этого? Люблю! Я, кажется, её люблю!..».

Ирина приехала со своей подругой Ларисой, о которой несколько раз упоминала до этого. Лариса была чуть ниже её ростом, светленькая, с лёгким налётом веснушек на щеках. Олегу она совсем не понравилась. Более того, он в душе был страшно раздосадован подобным оборотом дела. Поджидая Иру, он припрятал бутылку водки и сухое марочное вино, и теперь не знал как ему поступить. Пригласив подруг присесть на диван, он покопался в тумбочке, где у него хранились магнитофонные записи, нашёл последний концерт Константина Кинчева и включил свою издавшую виды «Сонату».

Мы вскормлены пеплом великих побед.

Нас крестили звездой, нас растили в режиме нуля.

Красные кони серпами подков топтали рассвет,

Когда всходило солнце, солнцу говорили: «Нельзя», – запел Кинчев.

– Кстати, привезла тебе, что обещала, – обратилась к нему Ирина, вынимая из сумочки какую-то книгу. – Исаковский. «О поэтическом мастерстве». Почитай, очень хорошая книга.

- Спасибо, - Олег небрежно швырнул книгу на подоконник.
- Не за что. С тебя бутылка, - пошутила девушка, чем Олег тут же не преминул воспользоваться. На стол опустилась бутылка марочного.
- Я пить не буду, что вы, - испугалась Лариса, скушаяще слушавшая музыку.
- За знакомство можно, - хитровато подмигнула ей Ира.

Олег пил маленькими глотками вино из хрустального, специально выставленного по такому случаю из серванта бокала и молил бога, чтобы тот послал к нему сейчас кого-нибудь из друзей. Но всевышний молитвам его не внял и, прослушав ещё одну плёнку с советской эстрадой, подруги засобирались домой. Олег нарочно повёл их окружным путём и, остановившись у знакомой пятиэтажки, извинился:

- Ира, я на минутку... К приятелю только заскочу. Одна нога здесь, другая там! Не скучайте.

Он решил, что, если Ирина не может обходиться без своей подруги и таскает её за собой даже на свидание, то, следовательно, её нужно познакомить с кем-нибудь из своих приятелей. А может быть, она и привезла её ради этой цели?! Так или иначе, выбор пал на тихого и скромного, почти как сам Олег, добряка Женьку Мартышенко, которого с первого класса вся уличная шпана звала Обезьяной. Мартышенко был дома, и Олег, вкратце изложив ему суть дела и заручившись согласием, поспешно скатился с лестницы.

Ларисе Женька, по-видимому, пришёлся по вкусу. Довольный собой Олег вплотную занялся Ириной. Решили ехать в кино, но, опоздав на последний сеанс, очутились в коктейль-баре. Скуповатый на деньги Мартышенко с каким-то ласковым сожалением посмотрел на уплывающие в окошко кассы купюры и, взяв под руку Ларису, повёл в зал. Олег выложил свою долю одним духом. Ира восточным изумрудом горела перед его алчными до любви глазами.

- Зачем мы сюда пришли, - дорого, - усаживаясь за столик, заметила Ира.

- А куда мне деньги девать? Ерунда! - расхвастался Олег.

Он был сегодня в ударе.

Мартышенко потянул его к стойке за коктейлями.

- Ну, как, Жека, Лариса? Ничего, а?

- Потянет, - односложно ответил неразговорчивый Мартышенко. Поставив перед Ирой коктейль и пододвинув тарелочку с десертом, Олег обвинил её рукою за талию.
- Была бы у меня, Ира, такая жена как ты, я бы для неё ничего не пожалел. Машину бы купил, дачу!
- Богатенький Буратино? - иронично улыбнулась та, осторожно освободилась от его объятия. - Убери руки, Олег, не нужно этого.
- Зал наполнился звуками западного рока, в сероватой полумгле вспыхнули разноцветные огни цветомузыки. Женька с Ларисой встали.
- Пойдём и мы потанцуем? - предложил Олег.
- Не хочу. - Ира задумчиво помешивала трубочкой коктейль.
- Почему, Ира? Пойдём!
- Не хочу. Понимаешь, Олег, не настаивай... Как мне всё это уже надоело!
- Что надоело? - непонимающе взглянул на неё парень.
- Всё! Пойми, Олег, мне уже не пятнадцать лет. Все эти танцульки... Бары... Это уже прошло.
- Ты думаешь, - я восторженный, жизнерадостный мальчик-одуванчик? - Олег хватил сразу полстакана коктейля. - Да мне самому противна вся эта современная жизнь... эти кривляния... Я никогда не танцую, Ира. За всю жизнь я всего один раз ходил на танцы, да и то по пьянке. Я не перевариваю всех этих школьниц, у которых на уме то же самое, что и у стрекозы, которая лето целое пропела...
- Ах, Олег, понимаю. Вам теперь женщин подавай - лучше замужних. Возраст не тот, как же... - съязвила Ирина.
- Не в этом дело... Лишь бы человек был хороший. Как... - Олег замялся.
- Как я, что ли? - подсказала Ира.
- Как ты. - Олег снова попытался её обнять. Та вновь увернулась.
- Ты ведь меня совсем ещё не знаешь, Олег... И, пожалуйста, не нужно больше распускать руки. Я могу обидеться.
- Ну, нет, тебя я никогда не обижу. Никогда! - ударил себя кулаком в грудь Олег и чуть не опрокинул стакан коктейля...

Вслед за сном Олег постепенно начал лишаться и аппетита. Только курил одну сигарету за другой и запоем писал стихи. Вдохновение приходило в основном ночью и стихи поэтому выходили мрачные. Как эти:

Только выйду в степь – всё припомнится:

*Отчего душа грустью полнится,
Отчего тоска – словно к горлу нож.
Сто дорог кругом, да куда пойдёшь?*

*Сто дорог кругом – по одной идти.
Прямоком пойдёшь – прямо нет пути.
Влево коль свернуть – потерять коня.
Только что терять? – нет коня у меня!*

*Нет коня, ну что ж, велика ль печаль?
Коли нечего – и терять не жаль.
А направо – стоп. Здесь ты смерть найдёшь.
Только что мне жизнь, коль цена ей грош!*

*Коль цена ей грош – что мне жизнь беречь?
Всем нам Бог судил в эту землю лечь.
Оттого в душе грусть шевелится.
Вот и жизнь прошла,
Да не верится.*

Однажды, встретив на улице Валерку Чумака, Олег прочёл приятелю это, как казалось ему самое лучшее стихотворение.

Чумак как всегда поднял его на смех.

– Тебе бабу нужно хорошую, поэт. С жопой, чтоб ни в какую дверь не пролазила... А эту твою студентку я бы давно уже трахнул и фамилию б не спросил. Вчера знаешь, что было!..

И затем повторялось то, что было вчера. Пивная... Бутылка водки на троих... Затем – «Лучистое» в несчётном количестве...

Потом бесчувственного Олега приносили домой и бережно клали в коридоре, подложив под голову ботинок.

На следующий день Олег спал мёртвым сном до обеда. Ни о какой работе, естественно, не могло быть и речи. Опохмелившись, он вновь шёл к Чумаку, и всё повторялось. За прогулы Олега вызвали на цеховой комитет, пригрозили увольнением по статье. Мать ужасалась и на чём свет стоит кляла своего знакомого, давшего телефон Ирины. В происходящем мать винила только её.

С невероятным трудом Олег добился желаемого: Ира приехала к нему без подруги. На стол сейчас же водрузилась припасенная по этому случаю бутылка «Сибирской». Мать на скорую руку приготовила угощение.

– Зачем всё это, Олег? Я не надолго, – сказала Ира. Любопытным взглядом окинула комнату, в которой, после их последней встречи, произошли разительные перемены.

Все стены были увешаны цветными эротическими картинками из иностранных журналов, которые Олег по случаю купил на чёрном рынке. Целая стопка подобных журналов лежала на столе, рядом с магнитофоном. Тут же были польские спички с обнаженной женщиной на этикетке и цветные порнографические карты.

– Прощу к столу, – довольный произведённым эффектом, пригласил Олег и взялся за водку.

– Я не буду, лучше не открывай, – запротестовала Ирина.

– По одной, Ир?

– Пей, если хочешь, – я не буду. Даже не уговаривай.

– Ну, тогда ешь, – с нескрываемым сожалением Олег спрятал бутылку. Включил магнитофон. На бобине опять оказался Кинчев.

...Братские могилы

Переполнены.

Смерть серпом косила

Буйны головы.

Драную рубаху

Пулями латай.

Топоры да плаха

По дороге в рай, –

пел лидер группы «Алиса».

– Олег, неужели у тебя не было до сих пор девчонки? – спросила, нехотя ковыряя вилкой в тарелке, Ира.

– Была, – Олег угрюмо усмехнулся. – Была да сплыла вот. А я её любил, как никого ещё, наверно...

– Ну и что же ты не добивался своего, если любил так?

– Она уехала, и у меня не осталось даже её адреса. Только фотография... Да и что сейчас об этом вспоминать? Всё прошло и никогда уже не вернётся. Не люблю я вспоминать о прошлом.

Олег, выключив свет, подошёл к ночнику.

– Зачем ты это? – послышался недоумевающий голос Ирины.

– Так просто, – буркнул Олег, включая ночник. – А у тебя был кто-нибудь?

– Любви, как у тебя, Олег, – никогда, – Ира отодвинула от себя тарелку. – Понимаешь, я не верю в любовь, хоть и не обжигалась ни разу. Странно, скажешь, но так оно и есть. И вообще, Олег, я тебе советую: никогда полностью не доверяйся сердцу. У человека есть ещё разум. Запомни это.

– Обывательская философия, – Олег, подложив под спину подушку, сел на диван. – Я не хвастаюсь, Ира, но чувствую, что почти такой же, как Есенин. Понимаю его, точно так же мыслю, а вот сделать ничего толком не могу... Я гнию заживо, Ира! Духовно, конечно.

Ира, встав, принялась неторопливо вышагивать по комнате, скрестив руки на небольшой, чётко вырисовывавшейся под чёрной тканью водолазки, гриди. Олег выключил Кинчева, перемотал плёнку и, найдя легкую эстрадную музыку, подошёл к ней.

– Потанцуем, Ирин?

– Не хочу.

Не владея собой, он обвил её жадными руками за талию.

– Ну что ты, Ир?.. Не горюй...

– Олег! – девушка резко, как кошка, отпрянула от него и сжала свои маленькие кулачки.

– Ну вот, с тобой и со скуки помереть можно... Водочки выпить, что ли?

- Выпей, выпей, может, полегчает.
- Разрешаешь? - Олег решительно свернул с горлышка поллитровки белую пробку и, налив добрую стопку, выпил.
- Вот все-то вы так! - осуждающе произнесла Ира.
- То есть, кто это все? - Олег, даже не закусив, сунул в рот сигарету и водрузился на прежнее место, у ночника.
- Да вы все, мужики... Сначала водка, потом танцы, потом дети на свет появляются...
- Ненавижу детей! - скривился Олег и неуловимым движением выключил ночник. Комната, подобно кинотеатру перед началом сеанса, погрузилась в беспросветный мрак. Лишь сиротливо светился глазок магнитофона.
- Ира, по-кошачьи мягко ступая, приблизилась к ночнику.
- «Протянуть руку, обнять, поцеловать! - лихорадочно забили мысли в разгорячённой водкой голове Олега. - Положить на диван и... всё!.. моя!.. Зачем подошла? Ведь догадывается обо всём! Не дура же... Но нет, не сейчас. Малость терпения. Можно спугнуть. Сама должна подать повод. Сама...»
- Ярко вспыхнул ночник. Глаза Ирины смеялись.
- Что, небось, думал - стану к тебе приставать? - наклонившись, она озорно потрепала его по щеке.
- Олег снова попытался обхватить её за талию, но та, как мышь, выскользнула из его объятий.
- Знаю я вас!..
- «Играется как с мальчишкой!.. Но должна ведь подать повод, должна!..» Олег снова погасил свет, взгромоздился на диван с ногами. «Идёт! Остановилась у ночника... Обнять или прикинуться равнодушным!»
- Прежде чем Ира успела нажать кнопку ночника, Олег зажмурил глаза и притворился спящим.
- Ах, он спит! - в её голосе зазвучала обида. - В таком случае, спокойной ночи! Я пошла, мой мальчик. Чао!
- Всё ещё на что-то надеясь, Олег решил играть до конца. Не меняя позы, он нарочито безразличным голосом спросил:
- Тебя проводить или не надо?
- Спасибо, не нужно. Я пошла.

- Подожди, Ира! – поняв, что переиграл, не выдержал Олег и, подбежав, загородил ей дорогу. – Не уходи, пожалуйста!

- Нет, Олег, я пошла. И ради бога не канючь. Ты же меня знаешь.

- погоди, провожу.

Настроение у него испортилось бесповоротно. Ира тоже явно была не в духе.

- Ты меня только до остановки проводи, Олег.

- Нет, до самого дома, – упрямылся парень.

- Ну не порть мне последнее настроение!

- Нет, провожу, а то тебя убьют и ограбят...

Полдороги проехали молча. Наконец, Ира, собравшись с духом, произнесла давно заготовленную фразу:

- Олег, не приезжай ко мне больше.

- Почему? – чуть не вскрикнул от неожиданности он.

- Потом объясню, но не надо... И вообще, ничего больше не надо!

Олег, ошарашенный её словами, пытался поймать ускользающий взгляд девушки.

- Что с тобой, Ира?

- Так, ничего.

Когда вышли из автобуса, Олег глубоко вздохнул, как перед прыжком в воду, и еле слышно промолвил:

- Ира, выходи за меня замуж!

- Замуж? – удивлённо взглянула на него девушка.

- Да замуж. Я люблю тебя, Ира!.. Хочешь, завтра же подадим заявление. Переедешь с квартиры ко мне. Я всё ради тебя сделаю.

- Не надо, Олег, – Ира поёжилась, как будто ей стало холодно. – Я не могу, как ты это не понимаешь?!

- Что я не понимаю? Скажешь, есть у тебя кто-нибудь? Но ведь сама говорила, что не веришь в любовь. Значит, и его не любишь! А я люблю тебя, Ира! Я понял теперь, – мне нужна только ты! Это судьба, понимаешь? Не отталкивай судьбу, Ира!

- Где ты раньше был? – с тоской проговорила Ирина. – Сейчас уже поздно, Олег. Я не могу... Муж у меня есть. Ребёнок от него скоро будет. Беременная ведь я, Олег, понимаешь?!

- Муж? Ребёнок? - ошалело уставился на неё Олег. - Ты что, Ира? Какой ребёнок? Что же ты раньше молчала? Нет, погоди...
- Олег недоуменно пожал плечами.
- Я ведь к тебе в любовницы не набивалась... Папа попросил помочь тебе, я и помогла, как умела. Смотрю, ты интересоваться начал. Я Ларису привезла... У неё парня не было. Познакомить вас хотела. Ан спасибо! Друга ей своего подсунул. Встречаются теперь.
- Ира, не говори так. Я люблю тебя! Обожаю... Я как бешенный сейчас... Ирка, - люблю ведь!..
- Брось, Олег. Что значит - люблю? Нравлюсь, наверно, просто и всё. Перегорит вскоре, забудется. Другую себе найдёшь. А мне больше не звони, так будет лучше для нас обоих. Да и Юрка завтра из деревни приезжает. Муж мой... Вместе в школе учились. Другими, естественно, были. Потом, перед самой армией, он сюда ко мне в гости приехал. До последней минуты со мной оставался. Ему утром к восьми в военкомат, а он в семь в автобус только сел. Этим он меня и покорило... Ждала его из армии два года. В мае пришёл... Вот и всё.
- Брось его, Ира, ты ведь его не любишь, да?! - чуть не закричал Олег, больно сжав её руку.
- Только без истерики, отпусти меня, пожалуйста, - строго сказала она. - И хватит об этом!.. У меня будет от Юрки ребёнок. Юрка мой муж и прошу тебя, не говори о нём плохо.
- Так значит, - нет?
- Конечно, нет, Олег! - Ира остановилась у калитки дома, в котором стояла на квартире.
- Прощай, мой мальчик!
- Подожди, Ира! - Олег снова схватил её за руку. - Не уходи, молю тебя! Ещё пару слов.
- Я уже сказала, Олег.
- Я убью этого Юру!
- Дурак! - Ира повернулась к калитке.
- Когда мы встретимся, Ира?
- Олег, я замужняя женщина. Завтра приезжает Юра...
- Послезавтра, Ира!
- Олег, не будь тряпкой. Я уже сказала - больше ко мне не приезжай!

- Так всё кончено?

- Всё!

- Сука! - Олег что есть силы ударил её ладонью по лицу и, не оглядываясь, зашагал прочь от калитки.

«Вот и всё. Конец! Я ей не нужен... да и вообще я никому, никому на свете не нужен!..»

Олег шёл как во сне, не разбирая дороги, по незнакомым, мрачным, глухим переулкам.

«Что же теперь делать? Жить? А для чего жить? Теперь... после всего случившегося?.. Умереть? Как-нибудь уйти из действительности? Но как?.. Повеситься как Есенин в «Англетере»? Чушь, не хватит решительности... силы воли. Трус! Несчастный трус! Был бы пистолет или хотя бы какой-нибудь яд, чтоб сразу... без всяких мучений... Был человек и нету. Меня нету. И никто не заплачет, не вспомнит... И никто не узнает, где могила моя... Тьфу чёрт, не то... Детсад какой-то... Но куда теперь?.. В кабак? Поздно... Домой?.. Дома осталась ещё водка. Идея! Скорее домой!»

Выйдя на шоссе, Олег быстро остановил такси и назвал адрес...

Водку допил залпом, даже не почувствовал горьковато-приторного вкуса сорокоградусной жидкости.

- Завтра набью морду этому Юре, да и ей добавлю, пожалуй. Дешёвка!.. - Олег в отчаянии схватился за голову. - Господи, можно ли после всего этого жить?! Можно ли после этого верить людям?.. Верить в любовь? Какая к чёрту любовь? Он накачал ей ребёнка, вот и вся их любовь. Они муж и жена. Они счастливы... И так все. А я как дурак самый последний... Ну кого я из себя строю? Ромео, ищущего Джульетту, которой нет, не было и никогда не будет?.. Но, может быть, я на самом деле такой? Может, я не могу по-другому? Может быть, чёрт побори, я вижу в ней прежде всего человека, а потом уже - бабу? Да, да! Именно так. Я уважаю людей, а они в ответ плюют мне в душу!

- скрипнув зубами, Олег схватил карандаш, взъерошил волосы.

- Не повезло... ты скажешь... Нет, - закричишь... Нет, не то,
- Олег задумчиво шевелил губами, полушёпотом произнося отрывочные фразы:

- Ты скажешь: вот, опять не повезло. Таков удел... Увы, печален он, - карандаш быстро заскользил по бумаге, выстраивая кривые торопливые строчки стихотворения, рвущегося, казалось, из самых глубин его растерзанного сердца.

Ты скажешь: вот, опять не повезло.

Таков удел. Увы, печален он.

Добро отдав, взамен берёшь ты зло!

Не повезло... Увы, таков закон.

Что же теперь? От мира обособиться?

Замкнуться, как улитка в скорлупе?

Да, к этой жизни можно приспособиться,

Но приспособить жизнь нельзя к себе!

Отложив карандаш, Олег упал на диван, с головой зарылся в подушку.

«О, если бы и вправду можно было умереть и оттуда наблюдать за происходящим на земле. Если бы и правда существовала загробная жизнь!.. А может, она действительно существует? Может, человек после смерти снова перерождается, как проповедует индуизм? Но как узнать? Как в это поверить?.. Кто-то писал, что мы, люди, состоим из какой-то совсем не случайно сложившейся структуры атомов, которая после смерти человека снова в ком-нибудь повторится. И вновь будешь существовать – ты!.. Если бы знать это точно, люди бы не дорожили своей никчёмной, глупой и неинтересной жизнью! Жизнь – это всего лишь существование... Тупое животное существование и больше ничего... Меня не любят девушки? Мне не везёт? Но разве в этом смысл жизни? Разве в этом заключается счастье?.. Ну а если – именно в этом? Не обманываю ли я сам себя? Не краду ли у себя самое дорогое, что подарила нам мать-природа?.. Бери от жизни всё в юности, ибо кто знает – доживёшь ли ты до старости... Ира была почти у меня в руках, и я её не взял! Побоялся. Постеснялся.... Но что можно бояться или стесняться, если все мы в этом мире тленны, и – Она так же как и я сам состоит из мяса, костей и крови?! И нет в ней никакого секрета, как нет его во мне. Все люди равны, и все одинаковы по плоти и крови. Разными их делают обстоятельства, формы существования... А проще сказать, – судьба. Да, именно судьба. У каждого человека она есть, и – в корне отличается от судьбы другого... Так значит и у меня это – не что иное, как судьба? Не вышло с Ирой, – но ведь и не могло ничего выйти, если подобный исход уже был предопределён где-то там, в неземных сферах. Нами кто-то руководит, а мы плачем или радуемся по любому пустяку,

даже не подозревая, что каждый наш шаг уже кем-то продуман и рассчитан заранее. Недаром же говорится: кому суждено сгореть, тот не утонет. Вот она, святая истина жизни! Просто так, по щучьему велению, по моему хотению, ничего в жизни не происходит. И задумай я, например, сегодня повеситься, то, если мне это не предопределенно свыше, – меня бы наверняка вынули из петли отнюдь не случайно подвернувшиеся прохожие. Или верёвка бы оборвалась. Или сломалась ветка... А если бы нет? Проверить? Попробовать рискнуть? К чёрту!.. Блеф это всё... Ири...»

Олег заснул, уткнув голову в согнутые в локтях руки...

Юру он узнал сразу, хоть никогда не видел до этого. Тот стоял на крыльце библиотеки, где некогда стоял он сам, и то и дело поглядывал на часы. Было без четверти пять. Олег, сбив на затылок большую армянскую фуражку-«аэродром», решительно подошёл к парню.

– Извиняюсь, тебя не Юра зовут, случайно?

– Допустим, – ответил Ирин муж и с недоумением взглянул на спрашивающего. Был он примерно такого же, как и Олег роста и телосложения, черноволос, с подстриженными неровно усиками.

– Я Олег! – нахально представился подошедший. – Тебе Ирина про меня ничего не рассказывала?

– Да, кажется, что-то говорила, а в чём собственно дело? – Юра явно не знал как себя вести, терялся, часто моргал глазами.

Олег засунул правую руку в карман своих узких, сшитых по моде брюк, и продолжил допрос.

– Ты что, её муж, да? Расписаны, что ли?

– Н-не понимаю, какое это имеет значение? – Юра начинал нервничать.

– Чувак, отвечай на вопросы. Расписаны? – Олег угрожающе навалился на неприятеля. Часто и со злостью задышал в лицо. От него пахло водкой.

– Ну, допустим, что нет. Что тебе ещё от меня нужно?

– Чтобы ты валил отсюда по добру по здорову, понял? – Олег, чувствуя своё превосходство над морально подавленным соперником, небрежно взял его за воротник болоньевой куртки.

– Чтобы завтра же я тебя в городе не видел!.. Я люблю Ирку...

Ребёнок останется... Ты свободен, чувак. Как слон в джунглях центральной Африки.

- Но погоди, землячок, - начиная понемногу злиться, сказал Юра. - Прежде всего, убери руку. Вот так... Не дёргайся... А во-вторых, кто ты такой, чтобы мне указывать?.. Можешь любить кого хочешь, это дело твоё, но Ирину оставь в покое, понял?

- Ты меня на понял не бери, понял? - рассвирепел Олег и хотел было выхватить из кармана руку, в которой было что-то зажато, но в кисть руки впилась появившаяся в этот момент на крыльце Ирина.

- Олег, не смей, слышишь!

Тот рванулся было к Юре, который резко отшатнувшись, больно ударился спиной о перила. Ира продолжала стоять между ними, цепко держа Олега за руку и с ненавистью глядя ему в глаза. Олег отрезвел от этого взгляда. Он вдруг понял, что всё бесполезно, месть его гадка и смешна, и этим людям он не нужен, не интересен; вся эта театральная сцена вызывает у них только гадливое отвращение. В мире опять стало пусто, одиноко и грустно. Захотелось уйти, но его продолжали зачем-то держать за руку.

- Брось руку-то, чужая жена, чего испугалась? - криво ухмыльнулся Олег и, высвободившись, бросил что-то продолговатое с крыльца в траву. - Скучно с вами, ребята, ей-богу!

Ира, насупившись, молчала. Помалкивал и, застывший у перил, Юра.

- Ну что уставились, как Ленин на буржуазию? - продолжал со злостью Олег. - Уйду я сейчас, не бойтесь. Больше не увидимся... Но, поверьте, скучно так жить, когда эгоизм кругом, когда люди разбились по парочкам и молча грызут свои сухари, как мыши по норам. Противно мне на вас смотреть, ребята. Ведь на пороге - двадцать первый век, а вы - как древние невольники Востока!.. И это не потому, что я вам завидую, нет... Просто посмотрел я сейчас на вас, как будто на себя со стороны посмотрел, и тошно мне стало... И понял я, что нет на свете любви!.. Чушь, выдумки писателей... Не любовь это, а эгоизм самый страшный, когда двоим, кроме друг друга ничего и никого на свете не надо!.. Ничего не замечают влюблённые: ни бед людских, ни страдания, ни чужого горя. Слепы и глухи они... Сытый голодного не понимает... Нет, не жить мне такой жизнью. Не хочу... Уж лучше на плаху с Костей Кинчевым, или в петлю как Есенин!

Ира потупила глаза, видно, пробрало её от слов Олега. Юра робко тронул её за рукав.

- Пойдём, что стоять?..

- Подожди.

- Что, Юра, спешишь к семейному очагу? В нору свою не успеешь? - горько улыбнулся Олег. - Хороший ты всё-таки парень, Юрка, только дать тебе нечего.

Юра натянуто, через силу, улыбнулся. Олег окончательно сбил его с панталыку, и он не знал, что предпринять, в какую сторону смотреть, куда девать руки и вымученную улыбку с лица.

- Уходи, Олег! - выдавила, наконец, Ирина. - Вижу, ты не глупый парень, - уходи. Больше я тебе помочь ничем не смогу...

- Книжку-то о литературном мастерстве куда девать? - спросил он.

- Жене Мартышенко передашь, а он - Ларисе.

- Ну что же, прощай, Ира. Не поминай, как говорится лихом!

- Не буду.

- И ты прощай, Юрка! Хороший ты, видно, мужик, - жаль выпить с тобой не пришлось... Извините, если что не так... Бывает... Жизнь, чертовски сложная штука, мужики... Пока! Может, когда и свидимся. Будьте счастливы, от души говорю!

Олег неторопливой, шаркающей походкой сошёл с крыльца и, не оглядываясь, побрёл прочь от библиотеки. Ира долгим задумчивым взглядом смотрела ему вслед. Мельком взглянула вниз. В траве синевато поблёскивал лезвием выброшенный Олегом нож.

1981 - 1994 гг.

Сконвертировано и опубликовано на <https://SamoLit.com/>